

on the left and turns it toward his much more conservative way of thinking.

Dugin seeks to transform one of Heidegger’s basic innovations, the notion of *Dasein*, to the Russian context. He does so by developing his notion of a distinctively Russian Dasein within another important “mytheme” created by Heidegger—that of *das Geviert* or the fourfold.

Dugin grants the fourfold a crucial role as the basic structure Heidegger identifies with the other beginning. For Dugin the Other Beginning begins with the fourfold [6].

Dugin proceeds to read the fourfold as granting to Russia an extraordinary role in the other beginning. He has only to cite Heidegger himself in this respect. Volume 69 of the GA is his principal text, and Dugin draws on two important statements by Heidegger. The first: “The History of the future of the earth is contained in the essence of Russianness (Russentum), which has not yet been freed to itself. The history of the world is the task set to the Germans for consideration (Besinnung).” The second: “Russia—that we do not conquer and exterminate it technically-culturally but rather free it to its essence and open it to the breadth of its suffering as to the essentiality of an essential salvation of the earth.” [7, S. 119] Dugin proceeds to create a narrative of the Russian other beginning whereby Russia becomes the site of the creation of a new attitude to being, the fecund earth that allows for salvation from the metaphysical illusions of the West. Russian Dasein (ironically Russianized by Dugin as Dasain ()) becomes the bearer of a distinctively Russian way of being that shall liberate not only Russia itself but can be a beacon of salvation to the rest of the world.

To summarize, in his lecture about the essence of language of 1957 [8, S. 173] Heidegger said that thinking ploughed the field of Being. The ground for comprehension and learning of Heidegger’s esoteric thinking as the solitary guarding of the Being has been prepared in Russia, inside the Russian language. Firstly, in Russia Heidegger has been read as a philosopher of the future, not the past, as a “precursor of the dawn of a completely different era of the world”: thus, the key concepts of “Black notebooks” of “*Machenschaft(en)*”, “*das Rechnerische*”, “*das Riesige*” not only help to give an unfavorable diagnosis to the late modernity but also to look ahead. Secondly, Russian literature on Heidegger shows not only the existence of its own independent language of description and analysis but also a tendency towards holistic approach to the consideration of the philosopher’s work involving, in addition to the analysis of *Dasein* and Being-historical thinking, political ontology and critics of civilizational discourse in the spirit of conservative revolution. Thirdly, the learning of Heidegger’s thought through discussion and the separation with French poststructuralism and postmodernism in the late Soviet and post- Soviet philosophy have become an integral factor of development of national philosophical thought which has grown stronger while exercising in deconstruction of ideological and thinking surpluses and in the very Heidegger’s case.

Literature:

1. Mehring R. Postmortaler Suizid. Zur Selbstdemontage des Autors der Gesamtausgabe // Heidegger und der Antisemitismus. Positionen im Widerstreit. Mit Briefen von Martin und Fritz Heidegger / Hrsg. von Walter Homolka u. Arnulf Heidegger. Freiburg i. B.: Herder, 2016. S. 289–299.
2. Heidegger M. Anmerkungen I–V (Schwarze Hefte 1942–1948). Gesamtausgabe Bd. 97, hrsg. von P. Trawny, Frankfurt a. M.: Klostermann, 2015.
3. Heidegger M. “Nur noch ein Gott kann uns retten”: Spiegel-Gespräch mit Martin Heidegger am 23. September 1966. 30. Spiegel. 31. Mai 1976, S. 193–219.
4. Bibikhin V.V. Delo Khaideggera [“Heidegger’s case”] // Motroshilova N.V. (Ed.)
5. Filosofija Martina Khaideggera i sovremennost’. Materialy konferencii [1989]. [Martin Heidegger’s philosophy and modernity. Proceedings of the conference]. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 166–171.
6. Love J. The Post-Soviet Heidegger // Love J. (ed.). Heidegger in Russia and Eastern Europe. London, New-York: Rawman and Littlefield, 2017. Pp. 249–272.
7. Dugin A. Plural Anthropology – the Fundamental-Ontological Analysis of Peoples (excerpt) // Love J. (ed.). Heidegger in Russia and Eastern Europe. Rawman and Littlefield: London, New-York, 2017. Pp. 273–294.
8. Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. Gesamtausgabe Bd. 69, hrsg. von P. Trawny. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998.
9. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache. Pfullingen: Neske, 1965.

Феноменология конформизма в современной академической науке и философии

Моисеенко Я.Ю.

Институт философии и права Уральского отделения РАН, младший научный сотрудник

yan.moisseenko@mail.ru

Аннотация: Интерес к философскому наследию Мартина Хайдеггера выводит на изучение проблематики конформизма в современной академической науке и философии. При этом сам конформизм следует понимать не в традиционном социально-психологическом, бихевиористском ключе, а в феноменологическом, то есть как “нечто, что являет себя из самого себя» (“that which shows itself from itself” [6, p. 51]). Чтобы вывести подобный взгляд на «конформизм» из логики философии Хайдеггера, необходимо обратиться к корням наукоцентричности современного мира, определить степень влияния дискурса «научной рациональности» на повседневную жизнь человека, а также заново поставить вопросы о том, кто же является «субъектом» научной деятельности в настоящий момент, и благодаря доминированию какой «картины мира» современная академическая наука и философия представляют собой среду, в которой активно процветает и поощряется ценностная ориентация конформизма.

Ключевые слова: философия технологий, Мартин Хайдеггер, бюрократизация и массовизация науки и философии, научная картина мира, Ge-stell, das Man, конформизм

Phenomenology of conformism in contemporary academic science and philosophy.

Moiseenko Yan Yurevich

Institute of Philosophy and Law, Russian Branch of the Academy of Sciences

Abstract: Interest in the philosophical heritage of Martin Heidegger leads to the study of the problems of conformism in modern academic science and philosophy. Moreover, conformism itself should not be understood in the traditional socio-psychological, behavioural manner of simple conformity to the common standards, but in the phenomenological manner, i.e. “that which shows itself from itself” [6, p. 51]). In order to derive this view of “conformism” from the logic of Heidegger’s philosophy, it is necessary to follow the roots of the contemporary world’s obsession with science and to determine the discourse of “scientific rationality” influence on the everyday life of a person. Then it is necessary to raise again the question about who is the “subject” of scientific research, and thanks to the dominance of which world-picture modern academic science and philosophy constitute an environment where the value orientation of conformity is encouraged.

Key words: philosophy of technologies, Martin Heidegger, bureaucratization and massification of science and philosophy, scientific world-picture, Framework, The They, conformism/conformity

Ещё на заре становления философской парадигмы Модерна наука заявила о своих амбициях стать главным подспорьем для человечества, разорвавшего оковы средневековой схоластики, а для «просвещённой» его части – своего рода «путеводной звездой», которая указывает путь прогресса и процветания. Намеченная ещё в трудах Р. Декарта и И. Ньютона тенденция внедрения научного мышления в повседневную жизнь человека была выдержана вплоть до наших дней, с незначительными отклонениями. В особенности, если рассуждать о т.н. западном обществе – «успехи» науки в завоевании популярности у предельно широкой аудитории здесь беспрецедентны. В связи с этим, вовлечённость общественности в сугубо научный, а также философский дискурсы, что зиждутся на наукоцентричном мировоззрении, может быть отслежена на различных уровнях вовлечённости [11]. Ведь в современном мире редкое политическое или экономическое решение принимается не будучи предварительно изученным через призму научного подхода в целях дать предельно точный прогноз, насколько его последствия будут соответствовать научной рациональности или, по крайней мере, господствующим в обществе представлениям о ней.

Повсеместная имплементация подобного подхода к принятию решений в различных сферах жизни современного человека имеет двоякие последствия. С одной стороны, научная верификация

рисков и угроз ещё на стадии разработки какого-либо проекта даёт сторонам, вовлечённым в процесс, небезосновательную уверенность, что они не только опираются на «твёрдую почву» под ногами в виде научной теоретической базы и наукоёмких технологий, но и разделяют одно и то же дискурсивное поле с передовой общественностью, считающей «научный подход» главным способом взаимодействия с окружающим миром. (Здесь имеет смысл упомянуть феномен т.н. «гражданской науки» (*citizen science*), который описывает ситуации любительской вовлечённости в научный процесс и даже производство любителями некоторого научного знания посредством публикаций в социальных сетях) [3].

С другой стороны, «одержимость» общественного дискурса научной верификацией каждого шага в политике, экономике, социальной сфере, культуре, образовании и т.п. может с лёгкостью преступить грань разумного и приобрести «маниакальные» черты. В этом случае, не только образ жизни отдельных индивидов станет подчинённым безжалостному диктату научной рациональности, но и собственно сфера науки – представления о предмете и методологии научных исследований, начнёт неизбежно меняться под давлениями процессов массовизации [2], и научный дискурс как таковой окончательно потеряет некогда элитарный характер, что не может в конечном итоге не сказаться на качественном отличии подлинно «научного» знания, от результатов каких-либо других форм человеческой деятельности [3].

Настоящая степень массовизации науки приводит к тому, что научная деятельность не представляет собой более продукт индивидуальных усилий – всё больше это коллективный труд, а учитывая масштабы современных исследовательских групп, работающих над одним проектом – в особенности, в естественных науках – это работа целых «научных корпораций» или даже т.н. «научных фабрик» (*science factories*) [14]. Что касается функционирования подобного рода структур, то им как правило свойственен высокий уровень бюрократической организации, и он возрастает с укрупнением и усложнением их внутреннего устройства [10], что в свою очередь, кардинальным образом меняет среду, где существуют учёные. Одной из наиболее распространённых стратегий адаптаций к меняющейся среде, где один за другим возникают новые регламенты, внутренние и внешние ограничения, является конформизм – его феномен был подробно исследован специалистами в области психологии и бихевиоризма (например, [1]). Однако, несмотря на существенную степень проработанности, у нас нет уверенности в том, что феномен конформизма получил по-настоящему глубокую, подлинно философскую интерпретацию, в то время как её время как раз пришло, ведь под влиянием зависимых процессов массовизации науки и внедрения научных и «квазинаучных» практик в повседневную жизнь, именно конформизм претендует на то, чтобы стать мега-трендом среди модусов бытия человека в научном и философском поле [11]. А значит, и стать драйвером серьёзных социальных трансформаций.

В качестве своей реакции на насущную необходимость философской интерпретации конформизма мы предлагаем обратиться к философии Мартина Хайдеггера, а именно провести феноменологическое вскрытие этого феномена. Существуют основания полагать, что подобный подход позволит проникнуть в сущность того, что скрывается за привычной, будничной его интерпретацией, бытующей в современном гуманитарном дискурсе, а именно сводить феномен конформизма к непосредственным поведенческим практикам имитации индивидом некоторых групповых (или шире – общественных) нормативов [1]. На самом деле, философские исследования в области конформизма не могут ограничиваться подобной его трактовкой как самодостаточного явления. Если рассмотреть – с помощью философской призмы Хайдеггера – что в сути скрывается за этими практиками адаптации к групповым ценностям, то можно обнаружить там нечто куда более онтологически весомое.

В рамках намеченного феноменологического вскрытия конформизма необходимо, в первую очередь, рассмотреть специфику современной наукоцентричной картины мира, чему поможет исследование через призму философии технологий Хайдеггера, выявить причины её доминирования над остальными возможными мировоззрениями. Таким образом, следует уделить внимание такой составляющей современной науки как технологизация, поскольку, согласно современным исследованиям, технологии отныне не воспринимаются в качестве нейтральных инструментов, как средства реализации целей в кратчайшие сроки, но являются ценностями сами по себе, более того, они формируют когнитивные характеристики человека [12]. Технологическая рациональность, постулируемая технологиями, которые становятся всё более авторитетными в современном мире, представляет собой торжество τέχνη – того самого комплексного феномена, что был описан М. Хайдеггером в докладе «The Question Concerning Technologies» (русск.: «К вопросу о технике») [8]. Современная академическая наука (и философия в частности) представляет собой торжество этого τέχνη в чистом виде, поскольку ни та,

ни другая, не ставят больше высшей задачей раскрытие подлинного бытия феноменов, вместо этого озабочены подчинением их бытия ригидной схеме извлечения из окружающего мира пользы и выгоды, которая осуществляется за счёт распределения знаний и представлений о различных феноменах окружающего мира по заранее отведённым для того «полочкам» мышления (так, с помощью метафоры «книжного шкафа с полочками» мы намерены выразить наше отношение к сложному и неоднозначному неологизму Хайдеггера *Ge-stell* (англ. – *Framework*, русск. – «по-став, «каркас» и т.п.) [7; 8].

Выход на проблематику конформизма в науке и философии хайдеггерианский взгляд на положение вещей предполагает в анализе трансформации субъект-объектной топики, где становится возможным провести фундаментальную ревизию позиции «субъекта» научной деятельности. Балансируя на границе между двумя способами видения окружающего мира – «мировоззрением» (англ.: *world-view*) и «картиной мира» (англ.: *world-picture*), где второй является наиболее репрезентативным примером развёртывания *Ge-stell* [7], а также выбирая в качестве точки отсчёта нашего размышления ключевой пре-концепт философии Хайдеггера *Dasein* (англ.: *Being-there*, русск.: бытие-здесь) [6], становится очевидно, что наивно видеть в «субъекте научной деятельности» отдельного индивида – учёного. Как уже было показано раньше, в наши дни научная деятельность становится частью повседневных практик, отчасти даже растворяясь в их рутинной стезе, где происходит переключение экзистирования *Dasein* на неаутентичный режим – именно в этом режиме на авансцену выходит то самое подлинное «действующее лицо», которое лишь надевает на себя маску «субъекта» Нового времени, в то время как, на деле, не сводится к нему. Разумеется, речь идёт о хайдеггеровском концепте *das Man* (англ.: *The They, the One*; русск.: «л ю д и», «они»), среди характерных черт которого есть не мало подлинно конформистских стратегий адаптации, намёки на которые можно, при должном внимании, обнаружить в той части труда «*Sein und Zeit*», (англ.: “*Being and Time*”) [6], что вводит для читателя этот своеобразный неологизм, однозначно определить принадлежность которого к какой-нибудь «части речи» трудно на любом из языков, на которые переводились работы Хайдеггера. Однако следует признать, что в основополагающих работах немецкого философа не представлено сколько-нибудь детальной интерпретации *das Man*-а, а значит, мы имеем определённую свободу в концептуализации этого феномена, в том числе, и в не самом предсказуемом ключе.

Таким образом, совокупная аналитика *Ge-stell* и *das Man* позволяет нам сформировать философский фундамент для интерпретации многих изменений, что в настоящий момент времени претерпевают академическая наука и философия, а также того, как адаптируются к этой меняющейся среде учёные и философы, другие участвующие стороны в производстве научного знания, а также, собственно, сама философия и само научное знание. Через призму хайдеггерианства становится возможным рассмотреть возрастающую бюрократизацию и формализацию научного процесса, одержимость научной общественности повсеместным внедрением рейтинговых систем и количественных показателей, приведение научных статей по естественным и гуманитарным наукам к некому «общему знаменателю» с точки зрения их структуры, где каждый элемент прописан заранее в ущерб свободе творчества и авторскому высказыванию [4] (речь идёт о набирающем авторитет формате научных публикаций IMRAD [13]). В контексте того, что исследования философии М. Хайдеггера на настоящем этапе переживают «ренессанс» по всему миру, свидетельством чего является выход разнообразных научных статей и монографий о Хайдеггере (самый яркий пример, на наш взгляд, это [5]), предлагаемый феноменологический подход к рассмотрению «конформизма в науке» может быть более чем актуален.

Литература:

1. Ash S. Opinions and social pressure. *Scientific American*, Vol. 193, No. 5, 1955. pp. 31–35.
2. Coccia M. Bureaucratization in public research institutions. *Minerva*, 43, 2009. pp. 31–50.
3. Cooper C. Citizen science: How ordinary people are changing the face of discovery. New York: The Overlook Press, 2016.
4. Hadzigeorgiou, Y., Fokialis, P., Kabouropoulou, M. Thinking about creativity in science education. *Creative education*, Vol. 3, 5, 2012. pp. 603–611.
5. Heidegger in the Twenty-First Century / edited by T. Georgakis & P. J. Ennis // *Contributions to Phenomenology* New York, NY: Springer, 2015. Vol. 80. 196 p.
6. Heidegger M. *Being and Time* / translated by J. Macquarrie and E. Robinson. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1962. 487 p.
7. Heidegger M. *The Age of the World-Picture* / translated by W. Lovit. // New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 115–155.
8. Heidegger M. *The Question Concerning Technologies* / translated by W. Lovitt // New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 3–36.

9. Heidegger M. Science and Reflection / translated by W. Lovitt, New York & London: Garland Publishing. 1977 pp. 155–182.
10. Merton R. Bureaucratic structure and personality. Social Forces, Vol. 18, No. 4, 1940. pp. 560–568.
11. Popova N., Moiseenko Y., Beavitt T. Conformity in Modern Science: An Engine of Societal Transformation? // Changing Societies & Personalities. Vol. 1. Iss. 3. 2017. pp. 237-258.
12. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, Switzerland: World Economic Forum. 2016. 184 p.
13. Sollaci L., Pereira M. The introduction, methods, results and discussion (IMRAD) structure: a fifty year survey // Journal of the Medical Library Association, 92(3), 2004. pp. 364–371.
14. Wuchty S., Jones B., Uzzi B. The increasing dominance of teams in the production of knowledge. Science, 316, 2007. pp. 1036–1039.

Хайдеггеровский вопрос о технике в контексте современного философского образования

Романенко Ю.М.

Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор философских наук, профессор

yr_romanenko@rambler.ru

Аннотация: Реформирование современного философского образования характеризуется внедрением в него компьютерных, интерактивных и сетевых технологий на основе Интернета, что позволяет расширить аудиторию и вовлечь в философский диалог большое количество участников. Новейшая техника позволяет сделать философское обучение массовым, эффективным и скоростным. Это можно оценить положительно, однако у этого феномена есть и своя негативная сторона. Суть проблемы заключается в том, способна ли технизация образования сохранить событийность передачи философского смысла? В настоящее время снова становится актуальным вопрос о технике, так как его в середине XX века поставил М. Хайдеггер. В хайдеггеровском понимании, техника оказывается амбивалентной. В онтологическом смысле она является способом самораскрытия бытия. Ее парадоксальность заключается в том, что она одновременно является источником опасности и спасительной силой. Существенным моментом возникновения, функционирования и распространения техники является воображение, трактуемое М. Хайдеггером как онтологический способ бытия человека, в котором находит свое диалектическое разрешение проблема противоположности искусственного и естественного. Продуктивность и человекомерность современного философского образования будет зависеть от разумного решения этого вопроса в конкретных педагогических практиках.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, онтология, техника, рационализм, сциентизм, критика, академическая философия.

Heidegger's Question of Technique in the Context of Modern Philosophical Education. *Romanenko Y.M.*

Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Abstract: The reform of modern philosophical education is characterized by the introduction of computer, interactive and network technologies based on the Internet, which allows to expand the audience and involve a large number of participants in the philosophical dialogue. The latest technology allows to make philosophical education massive, efficient and fast. This can be evaluated positively, but this phenomenon has its own negative side. The essence of the problem is whether the technicalization of education is able to preserve the eventuality of the transfer of philosophical meaning? Nowadays, the question of technique is again becoming relevant, since it was posed by M. Heidegger in the middle of the 20th century. The technique is ambivalent in Heidegger's understanding. It is a way of self-disclosure of being in the ontological sense. Its paradox is that it is both a source of danger and a saving power. An essential point in the emergence, functioning and dissemination of technique is the imagination, interpreted by M. Heidegger as an ontological mode of human being, in which the problem of the opposition of the artificial and the natural finds its dialectical solution. The productivity of modern philosophical education will depend on a reasonable solution of this question in specific pedagogical practices.

Keywords: M. Heidegger, ontology, technique, rationalism, scientism, critique, academic philosophy.

¹ В работе «Дело Хайдеггера» В.В. Биbihин подчеркивал главную и определяющую черту хайдеггеровской философии, утверждая, что его мысль — это «онто-логия: слово о том, что всегда уже есть прежде, чем человек начнет свою работу осознания» [1, с. 10]. Иными словами, в данном

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».